

МРНТИ. 03.20.41

<https://doi.org/10.26577/JH.2021.v103.i4.13>**Е.М. Ужкенов*** , **Г.А. Шотанова** , **А.С. Маргулан**

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахстан, г. Алматы,

*e-mail: e81g@mail.ru

ГОРОДА И ОСЕДЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (на примере жизнедеятельности Золотоордынского городища Актобе)

В данной статье рассматривается актуальность изучения средневековых городищ и вопросы их жизнедеятельности. Существование самих городищ долгое время на территории Западного Казахстана было малоизученным фактом в отечественной истории. После серии раскопок, проведенных под руководством талантливого археолога Галкина Л.Л., золотоордынское городище Актобе оказалось на периферии внимания истории Казахстана. Благодаря празднованию 750 летнего юбилея Улуса Джучи, предложенный и поддержанный на самом высоком уровне, интерес к истории городища Актобе вновь оказался в центре внимания, поскольку именно его хорошая сохранность поможет лучше понять систему взаимоотношений кочевников и оседлых жителей, а именно не через призму череду конфликтов, а через взаимопроникновение культур.

Сам факт появления городищ в аридных зонах Казахстана уже является исключительным фактом, поскольку, учитывая уровень развития производительных сил в средневековой период, а также климатические условия, следует признать всю трудность возрождения средневековой градостроительной практики в степных зонах. Для полноценного изучения функций средневекового городища следует уделить внимание не только описку его описания, но и изучить вопросы жизнедеятельности города и горожан, в том числе влияние окружающих условий на повседневную жизнь горожан.

Ключевые слова: Средневековье, Сарайчик, Актобе, кочевая культура, городская жизнь, Западный Казахстан, история, оседло-земледельческая культура, Урал, животноводство.

E.M. Uzhkenov*, G.A. Shotanova, A.S. Margulan

Institute of History and Ethnology named after V.I. Ch.Ch. Valikhanov. Kazakhstan, Almaty,

*e-mail: e81g@mail.ru

Cities and Sedentary Villages of Western Kazakhstan in the Middle Ages (on the Example of the Vital Activity of the Golden Horde Settlement Of Aktobe)

This article explores the relationship between nomadic and sedentary agricultural cultures on the territory of Western Kazakhstan in the Golden Horde period. For a long time, the existence of cities was regarded, as an exceptional phenomenon, where the main primate was the sedentary population, and nomads acted as a kind of historical background. However, the new data highlights, that it was the nomadic culture, that was the main one, and the products of the nomadic economy were the main source of the very existence of urban life. Since the very topic of the relationship between the Steppe and the City within the framework of Russian historical science is relatively poorly studied, and also taking into account the latest achievements of domestic and world scientists, it is necessary to pay special attention to the little-known aspects of the relationship between nomadic and sedentary cultures.

Further research of the relationship between nomadic and sedentary farms is the cornerstone in understanding the problems of domestic medieval studies, and serves as a basis for the subsequent reconstruction of the system of relations between nomads and sedentary residents. For the current level of study of history, and consequently, various aspects of the functioning of settled settlements, it is necessary to attract new, including interdisciplinary methods that can help recreate the medieval historical reality.

Key words: Middle Ages, Saraychik, Aktobe, nomadic culture, urban life, Western Kazakhstan, history, settled-agricultural culture, the Ural, animal husbandry.

Е.М. Ужкенов*, Ф.А. Шотанова, А.С. Марғұлан

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: e81g@mail.ru

Орта ғасыр дәуіріндегі Батыс Қазақстанның қалалары мен отырықшы қоныстары (Ақтөбе Алтын Орда қалашығының тіршілік әрекеті мысалында)

Бұл мақалада Алтын Орда кезеңіндегі Батыс Қазақстан аумағындағы көшпелі және отырықшы-егіншілік мәдениеттер арасындағы өзара қарым-қатынас мәселелері қарастырылады. Ұзақ уақыт бойы қалалардың өмір сүруі ерекше құбылыс ретінде қарастырылды, онда басты примат отырықшы халық болды, ал көшпенділер белгілі бір тарихи фон ретінде әрекет етті. Сонымен қатар, жаңа деректер көшпелілер мәдениетінің негізі болғандығын, ал көшпелілер шаруашылығының өнімдері – қала өмірінің ең басты көзі болғандығын көрсетеді.

Отандық тарих ғылымы аясындағы Дала мен Қаланың өзара қарым-қатынасы тақырыбы салыстырмалы түрде аз зерттелгендіктен, сонымен бірге отандық және әлемдік ғалымдардың соңғы жетістіктерін ескере отырып, көшпелі және отырықшы мәдениеттер өзара қарым-қатынасының белгілі емес аспектілеріне ерекше назар аудару қажет. Көшпелі және отырықшы шаруашылықтардың өзара байланысын одан әрі зерттеу отандық медиевистика мәселелерін түсінудің іргетасы болып табылады, және де көшпенділер мен отырықшы тұрғындардың өзара қарым-қатынас жүйесін одан әрі қайта құру үшін негіз болады. Тарихты зерттеудің қазіргі деңгейі үшін, демек, отырықшы қоныстардың жұмыс істеуінің әртүрлі аспектілері үшін ортағасырлық тарихи шындықты қалпына келтіруге көмектесетін жаңа, соның ішінде пәнаралық әдістерді тарту қажет.

Түйін сөздер: ортағасыр, Сарайшық, Ақтөбе, көшпелі мәдениет, қалалық өмір, Батыс Қазақстан, тарих, отырықшы-егіншілік мәдениет, Орал, мал шаруашылығы.

Введение

Актуальность темы определяется государственным интересом к теме исследования, поскольку несет в себе значительный заряд формирования новой государственной идентичности. 750-летний юбилей Улуса Джучи, широко отмеченный в нашей Республике, показал непрерывное существование местных государственных традиций, которые нашли свое отражение уже и в наследниках, в том числе и у казахов. Принцип несменяемости династии, приверженность Ясе, улусная система, принцип налогообложения – все это наследие Золотой Орды. Сюда следует отнести и героический эпос, письменность и духовность, а также территорию и население: все это также составляет наше прошлое, наш «золотой век». Сохранился и кочевой приоритет, так, именно казахских султанов приглашали на ханский престол все соседние народы, в том числе и каракалпаки, туркмены, башкиры, Хивинское ханство. Понятное дело, что дело вовсе не в претензии на всеобщее золотоордынское наследие, а в общности культур и народов.

Несмотря на давние традиции изучения медиевистики в Казахстане, следует отметить, что именно сегодня речь идет только о формировании своей научной школы и перспективных для отечественной науки направлений. В советский

период была заложена основа, своего рода фундамент по исследованию Золотой Орды, где спецификой казахстанской школы выступила опора на восточные письменные источники. Опора на письменные источники, их перевод и трактовка долгое время были визитной карточкой казахстанской школы востоковедения. Бесспорно, на это оказали свое влияние московская и ленинградская школы. Во многом, благодаря тому, что именно их выпускники были основной движущей силой научных институтов, изучение восточных письменных источников стало неотъемлемой частью подготовки востоковедов и медиевистов даже на сегодняшний день. Не подвергая сомнению тезис о важности знания восточных ученых для медиевистов, все-таки можно указать на некоторую узкую направленность такой подготовки. Тот же археологический материал, отложившийся в эпоху расцвета Золотой Орды способен дать интересный материал, позволяющий корректировать некоторые данные письменных источников. Нумизматический материал также не в полной мере введен в научный оборот, хотя именно для золотоордынских властителей монеты не только средство торговли, но и своего рода легимитизация власти того или иного хана.

Как уже выше указывалось, в силу особенностей мировоззренческого восприятия истории кочевых народов вообще, и истории средних ве-

ков в частности, материальное наследие времен империи Чингисхана, было изучено на недостаточном уровне, а, следовательно, сказывалось на состоянии казахстанской медиевистики. На сегодня отечественная медиевистика получила импульс к дальнейшему развитию в рамках празднования 750-летнего юбилея, и к сегодняшнему дню можно говорить об определенных успехах. Так, открытие городища вблизи села Береке в Уалихановском районе Северо-Казахстанской области, расширяет зону проникновения оросительной зоны далеко на север, что заставляет в корне пересмотреть пределы распространения городской культуры в средние века.

Зародившаяся городская культура на западе Республики, стоит особняком в научном сознании и в научных работах. Их возникновение давно и привычно объясняется общеимперской градостроительной практикой монгольских каганов. Вопрос об причинах их возникновения стоит достаточно давно в отечественной и советской историографии. Сам факт постройки городов – не только проявление политической воли хана, но и в том, что обустройство степи стало насущной проблемой зародившегося собственного государственного аппарата Улуса Джучи. По сути, постройка своей столицы и заложение новых городов – это проявление наметившегося сепаратизма от Каракорума. К тому же «Нижняя Волга, где строились новые города, представляла собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы – Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья» (Федоров-Давыдов, 1994: 11).

История Алтын Орды взаимосвязана с историей Монгольской империей, и при ее внимательном изучении становится ясным, что она во многом дублировала общеимперские нормы и правила, хотя и имела и свой колорит. Наличие многочисленного тюркского компонента в этой части империи со своими собственными обычаями и традициями, в том числе и государственными, так или иначе должно было повлиять на внутреннее государственное устройство. По сути, по истечению некоторого периода,

полноценное господство наследия Монгольской империи сохранилось только лишь на законодательном уровне, чьим зримым свидетельством была Яса Чингиз-хана. Несомненно, только одно – сам факт доминирования собственно тюркской традиции зафиксирован в титуле правителя Монгольской империи – «каган», «хан», причем титул «хан» зафиксирован именно у правителей Алтын Орды.

При столь малых количествах сохранившихся письменных источниках, трудно проследить насколько в нормы адата вошли собственно монгольские элементы, а какие являлись прямыми наследниками древнего собственно тюркского происхождения. Представляется возможным, что схожий образ жизни кочевников Восточной и Западной ойкумены Великой Степи, стал основой для возникновения и функционирования схожих обычаев и норм. Именно совокупность местных и центральноазиатских обычаев стало основой для жизнедеятельности не только Алтын Орды, но и всех последующих государств – Ногайской Орды, государства кочевых узбеков, Казахского ханства. Причем, наследие Алтын Орды не ограничивалось только преемственностью государственных институтов, а включала в себя практически все стороны – ведения хозяйства, культуры, письменной традицией, социальной стратификацией общества и так далее. Хотя конечно, и здесь есть своя специфика, а именно – уровня развития государства Алтын Орды в плане централизации власти, общего уровня градостроительства, слаженности комплексного оседло-земледельческого и кочевого хозяйства, так и не было впоследствии достигнуто. Урбанизация золотоордынского периода в Великой Степи по сути не имела себе равных и сравнима лишь с политикой урбанизации проводившейся в советский период. Торговые маршруты и пути охватившие практически всю Евразию стали основой для процветания городской жизни, а развитое животноводческое хозяйство, позволявшее сбывать остатки продукции жителям городских поселений стали основой их функционирования. Поистине, представление об Алтын Орде как о «золотом веке» кочевников, сохранившееся в народном сознании и нашедшем свое отражение в героических народных эпосах, имело под собой все веские основания.

Несмотря на весь размах золотоордынской цивилизации, она не нашла своего полного отражения в исторической науке в советский период, поскольку существовавшая тогда парадигма, что общая отсталость России связана с ее

завоеванием и подчинением Золотой Орде, не позволяла рассматривать историю наследников Золотой Орды как самостоятельных субъектов всемирного исторического процесса, а поэтому ее всегда рассматривали только как исторический фон для порой малозначимых исторических процессов. Несмотря на эти обстоятельства именно во советский период были заложены основы для научного изучения историко-культурного наследия Золотой Орды. Отдельные работы по истории различных сфер функционирования средневековой кочевой империи уже давно стали классикой миррового уровня. На сегодня можно констатировать, что подлинным ведущим научным центром по изучению Золотой Орды остается российская наука. Именно Нижнее Поволжье, Крым, Дон, Башкирия, Татарстан и другие регионы стали основными местами исследования общего евразийского золотоордынского пространства, где учеными были достигнуты немалые результаты. Сложившийся фронт против однобокой трактовки истории кочевников опирается на научные изыскания ученых, к сожалению, мало доступных обывателю (Ужженов, 2021).

Материалы и методы

Отечественная медиевистика сегодня находится на стадии дальнейшего познания и переосмысления самого малоизученного периода истории Казахстана. Процесс взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого образа жизни еще долго будет оставаться в центре внимания отечественных исследователей, поскольку миф о историческом отставании номадизма еще жив в массовом сознании. Поэтому целью изучения данного вопроса должна стать система взаимоотношений и слияние культур, где именно кочевое хозяйство стало фундаментом жизнедеятельности городских поселений.

Для современного уровня изучения истории, а, следовательно, различных аспектов функционирования оседлых поселений, следует привлечь новые, в том числе междисциплинарные методы, способные помочь воссоздания средневековой исторической реальности. К примеру, именно дендрохронология, историческая геология и география могут дать ответ об основных аспектах использования местных природных ресурсах в эпоху средневековья. Сама местность, природа и климат Северного Прикаспия не могли не вызвать к появлению специфичной местной городской культуры. Особенно интересным

представляется использование методов археозоологии, а именно в ключе воссоздания культуры питания в городских поселениях Западного Казахстана.

Познание исторического прошлого направлено на привлечение максимального количества письменных источников, где в результате историковедческого анализа будет получен научно обоснованный результат. Так, сохранившиеся заметки дореволюционных путешественников, а также средневековые карты и отдельные упоминания, позволят обозначить крайние точки возникновения и упадка золотоордынского средневекового городища Актобе.

Изучение археологических отчетов раскопок, проведенных как в советскую эпоху, так и в период независимости, позволит реконструировать план городища, а, следовательно, и восстановить конфигурацию городища.

Результаты и обсуждения

Полное политическое доминирование кочевников в эпоху монгольских завоеваний, привело к своеобразной иерархии, где кочевники не только служили ударной силой как воины, более того, именно их поставками обеспечивалась жизнедеятельность оседлых жителей, а, следовательно, само существование городов было вопросом не только политического плана, но и затрагивало вопросы системы жизнеобеспечения. По сути, любое ослабление центральной власти и последующий за этим откочёвка кочевников автоматически означало голодную смерть горожан. Этот тезис может быть спорным и нуждается в дополнительной аргументации, однако его постановка означает новую веху в оценке взаимоотношений между «Городом» и «Степью».

Необходимость исследования западноказахстанских городских поселений несомненна, поскольку, долгое время само существование городов в аридной зоне, рассматривалась как исключительное явление, где главным для изучения было оседлое население и его сохранившееся наследие, а кочевники выступали в качестве некоего исторического фона. Между тем новые данные подчеркивают, что именно кочевая культура выступала в качестве основной, а продукты кочевников являлись главным источником самого существования городской жизни. На этом фоне исторические стереотипы о кочевниках зачастую мешают воспринимать объективное прошлое, но благодаря многим исследованиям, сегодня эти мифы уходят на второй план. Бо-

лее того, существование городов и поселений в аридных зонах Казахстана, зачастую даже в серьезной литературе воспринимается как исключительное явление, не специфичное для данного региона. Лишь с приобретением независимости и началом ряда археологических изысканий начинается новый период в отечественной историографии по этому вопросу. Одним из элементов исследования выступил принцип историзма, где объективность исторических реалий золотоордынского периода помогла реконструировать наше прошлое при использовании самых разных методов. Сама тема функционирования оседло-земледельческих поселений в аридных условиях на долгое время стала своеобразным трендом отечественной медиевистики. Безусловно, именно города на юге Республики Казахстан стали удобным объектом для исследований взаимоотношений между земледельцами и кочевниками. Поэтому функционирование западноказахстанских городов было обделено вниманием, поскольку Сарайчик представлял собой только периферию исследований городищ. Хотя о Сарайчике знали давно, например, Сарайчик был описан еще в XVIII–XIX вв. многочисленными русскими путешественниками и исследователями, но его научное изучение все еще ждало своего исследователя. Ради исторической объективности надо отметить тот факт, что дореволюционные исследования до сих пор не теряют своей актуальности, к примеру, описание цитадели (центральная часть) Сарайчика составленной Алексеевым до сих пор остается важной информацией по ее местонахождению (Алексеев, 1867).

Немаловажным представляется их труды на сегодня в плане этнографических и этнологических изысканий, а также научных предположений о близости и родстве средневековых насельников Великой Степи и их потомков. Кроме того, еще в XIX веке было высказано предположение о важнейших торговых маршрутах, функционировавших в золотоордынский период, а также взаимосвязанности хозяйства и уклада жизни. Также благодаря активному изучению прошлого Степного края, возникла теория о важном транспортном значении Казахстанского Урала, получившая свое подтверждение на практике. Российские путешественники и ученые, изучая быт, историю и культуру Центральной Азии, заложили научную основу для объективного познания прошлого региона, не избежав при этом, конечно же, «традиционных ошибок» любого научного изучения традиционного общества глазами просвещенных европейцев-колонизаторов,

а именно: поверхностное отношение к историческим данным, отсутствие научной критики источника и прочие факторы, которые как справедливо отметил О.О. Сулейменов, что к дореволюционным историкам и их детским болезням, примешивалась и обида за «подлое прошлое» (Сулейменов, 1975: 24). Понятно, что дореволюционная историография сочетала в себе все достижения и все болезни той эпохи, но вместе с тем, именно она по сути предопределила основные направления исследований исторического наследия Золотой Орды. В этой связи, представляет особый интерес выводы и предположения В. Григорьева, касательно торговых маршрутов и значимости Северного Прикаспия как транспортного коридора.

Изучение малоизвестных страниц истории градостроительства на территории Западного Казахстана, позволит реконструировать историческую реальность, существовавшую в тот или иной исторический отрезок времени. Появление самих городов на территории аридных зон – факт далеко не уникальный для всемирной истории, однако уровень их развития, а также их значимость в осуществлении торговых операций между Востоком и Западом не имеет аналогов. Для сопоставления можно привести пример самой имперской столицы – Каракорума. Без поддержки центральной власти, столица мировой империи прекратила свое существование практически за неполное столетие. Учитывая этот факт, следует предположить, что функционирование западноказахстанских городов складывалось на скорое всего местных традициях.

Как общепринято считать, появление оседло-земледельческих поселений на Западе Республики Казахстан, во многом связано с градостроительной практикой монгольских властителей. Данное утверждение может быть подвергнуто решительному пересмотру в связи с открытием хазарского слоя на местах расположения бывших столиц Золотой Орды. Кроме того, не следует забывать и о находке еще в 1950-х годах на месте городища Сарайчика были обнаружены фрагменты до золотоордынского времени, а именно постройки жилищ XI–XII вв. и наличие черноглиняной посуды, предположительно кипчакского типа, которые свидетельствуют о более раннем существовании городской жизни на территории нашей Республики. Упоминания о развитой городской жизни содержатся в самых различных источниках, кроме того, следует учесть, что одна из трасс Великого Шелкового

пути проходила как раз по территории Западного Казахстана.

Город Сарайчик играл важную роль в истории казахского народа, и недавние исследования показывают, что город являлся не только крупным политическим центром, например, долгое время был столицей Ногайской Орды и Казахского ханства, но и духовным центром, в том числе и усыпальницей важных и знатных людей. Город возник предположительно в 1270-х гг., судя по данным нумизматики, и располагаясь в удобном для торговли месте, быстро стал важным перевалочным пунктом на пути из Нижнего Поволжья в Хорезм. Транзитное значение города опиралось не только на удобство переправы, так как многочисленные осколки керамики заставляют предположить, что и сам город был ремесленным центром, а также сосредоточием кочевников. В XIV веке город посещают арабский путешественник и купец Ибн Батутта, который посетил город в 1334 году и оставил его описание, из которого становится известным что в городе функционировали дворцы, большое количество мечетей и гостиных дворов описал в своей книге блеск ханских дворцов, большое количество мечетей и гостиниц, а также наличие водопровода и канализации. Годом позже, в 1335 году город упоминает флорентиец Франческо Пеголетти, который описывал торговые путешествия через город из Европы в Азию.

В целом, для Сарайчика была характерна плотная застройка, которую мы обнаруживаем и у городища Актобе, что само по себе является занимательным фактом. Действительно, вся история Прикаспия всегда имела свой водораздел, где реки, и Волга, и Урал были некими не только географическими границами, но и историко-культурными. Срубная и ямская археологические культуры, азиатские скифы (саки) и европейские сарматы, даи и массагеты – все они жили вдоль этих водоразделов. Сильное влияние среднеазиатской цивилизации стало отличительным знаком и в монгольское время. Можно лишь предположить, что градостроительство на территории Нижнего Поволжья оказали влияние местные, возможно хазарские традиции, в то время как Казахстанский Урал находился под влиянием среднеазиатской культуры. Но в то же время, на архитектурные традиции городов, расположенных на Урале, непосредственное влияние оказывали природно-климатические условия, которые сильно отличались от условий Южного Казахстана: холодная, многоснежная зима и жаркое, засушливое лето. Отсюда осо-

бенности в строительстве усадеб, в частности, наличие более мощной системы обогрева, иные размеры комнат и построек, которые по своим параметрам ближе к поволжским, чем к среднеазиатским.

Сам факт существования и функционирования очагов оседлой жизни в бескрайних степях представлялся невозможным и противоречил официально принятой доктрине марксизма. Устоявшиеся представления о кочевниках как о разрушительной силе, несмотря на все усилия отечественных ученых также надолго превратился в стереотип. Бесспорно, историческая наука шагнула далеко вперед в познании кочевниковедения как части мирового исторического процесса, однако процесс обеления исторического вклада кочевников в общемировую сокровищницу все также находится в начале своего пути. Процесс пересмотра прежних воззрений характерен не только для постсоветского времени, он идет и сейчас, в связи с ростом доступности прежде малоизвестных фактов и литературы. Например, обнаруженные сравнительно недавно крупные по размерам земельные поля и поселения, жители которых, по-видимому, были одними из кормильцев Сарая Берке. То есть опора на местные кормовые базы вкупе с массовыми поставками продуктов животноводства по сути обеспечили бесперебойную работу бюрократического аппарата и широких слоев ремесленников, купцов и массы рядовых жителей продовольствием.

Бытовавшее долгое время представление о территории Золотой Орды как о территории только кочевников, в последнее время нуждается в коррекции, поскольку открытая городская культура ярко демонстрирует своеобразную цивилизацию, где кочевники не только политически доминировали, но и по сути обеспечивали функционирование городских центров. Если территория Нижнего Поволжья уже давно стала объектом полноценного научного изучения, то города Казахстанского Урала изучены намного меньше. Сарайчик, а также Жаик, Жалпактал, Сарыкамыс и Актобе-Лаэти составляют все известные на сегодня центры городской культуры. Удобное месторасположение, наличие переправы, наличие питьевой воды и богатые пастбища, вкупе со столь редким в степи деревом привлекали немало людей в разные времена, поэтому представляется что полноразмерные исследования выявят еще немало следов развитой оседлой культуры.

Ряд ученых также отмечают доступность конины для жителей степных пространств, ве-

роятнее всего в силу ее дешевизны (Яровская, 2017: 314). Хотя климатические условия Придонья и Крыма позволяли выращивать местную сельскохозяйственную продукцию, доминирование продуктов животноводства может позволить сделать вывод не только о политическом доминировании кочевников или о характере местной политической элиты, но и отлаженных поставках мясной продукции в города, а значит и полную зависимость от стабильности кочевых хозяйств. На сегодня изученные мусорные ямы дают яркое представление, что каждые 12 лет, то есть на период джута, содержание рыбных костей резко увеличивалось и могло достигать до 30-35% от общего количества остатков, что говорит о давних традициях «рыбной диеты» жителей региона. Интересно, что в отличие от более изученных золотоордынских поселений Нижнего Поволжья, Крыма и Придонья, основной пищей служила баранина. Для сравнения можно указать данные с других городов: иерархии употребления горожанами мяса домашних копытных на первое место выходит говядина, доля которой не ниже 50 % по всем поволжским городам XIII и XIV вв. и не ниже 70 % для городов Ставрополя и Нижнего Дона XIV в. Второе и третье «места» в иерархии мясного потребления принадлежат продукции степного скотоводства – баранине и конине, доли которых существенно варьирует между собой в отдельных районах золотоордынских городов с разными этническими и социальными контекстами (Сулейменов, 1975: 24). Остатки свиньи отмечены нами во всех золотоордынских городах, однако объемы потребления свинины в них не превышают доли процента (Яровская, 2017: 314; Зеленева, 2010: 114). Такая же ситуация наблюдается на раскопках Булгара и других городищ современной Башкирии, однако доминирование мелкого рогатого скота, во многом обусловлено развитым кожевенным ремеслом. Наиболее высокая доля конины, 18–22 % фиксируется для городищ Царевское, Селитренное, Мошаик и Самосдельское, расположенных в Нижнем Поволжье в непосредственной близости кочевой степи. Однако такая же доля (18 %) зафиксирована на Нижнем Дону для одного из районов золотоордынского Азака – восточного района с недавно осевшим кочевым, весьма небогатым населением. По-видимому, невысокие цены на лошадей, которые фиксируются письменными источниками XIV в., позволяли этому населению не только полноценно питаться, но и поддерживать этнические традиции в мясной диете.

Не менее важным фактором воздействия кочевой культуры на повседневную культуру в частности, и градостроительную практику в целом можно считать жилище жителей. Самым распространенным жилищем в городских поселениях Западного Казахстана можно считать является однокомнатный «монгольский» дом. Он же является элементарной ячейкой всех остальных типов зданий. Процесс трансформации юрты в стационарное жилище неоднократно описан в различных этнографических исследованиях. При переходе к оседлому образу жизни бывшие кочевники или полукочевники, основным жилищем которых являлась сборно-разборная юрта, состоящая из деревянного каркаса и войлочного покрытия, начинают строить стационарные жилища из других материалов – дерева, глины, камня. Первоначально стационарные жилища сохраняли привычную круглую в плане форму, но применение твердых строительных материалов приводило к тому, что круг постепенно превращался в правильный многоугольник и затем – в квадрат. Вариант реконструкции такого «дома монгольского типа» в золотоордынских городах был предложен В.Л. Егоровым (Егоров, 1985). Интерьер такого дома обычно состоял из софы, выполнявшей функции обеденного стола и кровати, а также тандыра и кана – элемента канализационной системы (Зиливинская, 2011: 2).

Подобный вид жилища уже хорошо известен благодаря археологическим работам, что в принципе позволяет уже на данном этапе проводить полную историческую реконструкцию жилища и поселения. Реконструкция городища Актобе является следующим возможным продолжением по исследованию золотоордынского периода, поскольку открывает в себе массу возможностей и перспектив.

Здесь особый и интерес представляет изучение золотоордынского города Актобе, начатое еще в 1950-х гг. Помимо удобного расположения, городище Актобе должно было обладать дополнительным преимуществом для своего функционирования. Если принять во внимание крайне тяжелые природно-климатические условия даже для кочевого хозяйства, следует учесть, что жители должны были целиком и полностью зависеть от поставок животноводческого хозяйства близлежащих кочевых аулов.

Это подтверждает гунезские торговые записи, на картах в которых Актобе-Лаэти представлен в виде символа, обозначающего довольно крупный торговый центр что, указывает на его тогдашнюю значимость. Средневековые карты

как западноевропейские, так и восточные показывают, что существовало еще много городищ на территории Западного Казахстана, один из которых был обозначен как город Рифан (Ризан), где по-видимому отражена какая-то местная транскрипция местного названия. Оpoznанное Л.Л. Галкиным на географических картах городище Актобе как город Лаэти, по-видимому также нуждается в сильной коррекции с применением методов топонимике и ономастики, поскольку существуют современные научные работы, где аргументирована изложена ошибочность этого названия.

Широкому кругу читателей городище Актобе не известен, поскольку малый размер, отсутствие широкомасштабных раскопок и наличие рядом другого, более значимого памятника средневековой архитектуры, города Сарайчика, отделили Актобе среди широкой общественности. Сказалось и разрушение части памятника в советскую эпоху, когда были рядом возведены постройки экономического значения, а также, уже после распада СССР, и жилые кварталы, отданные под индивидуальное строительство. Все эти факторы не могли не сказаться на современном состоянии памятника. Между тем, данный памятник должен быть изучен комплексно, с учетом изучения соответствующих западноевропейских и восточных письменных источников. Как уже неоднократно упоминалось, городище Актобе было известно генуэзским купцам, и нашел свое отражение на картах того периода. Более того, еще Л.Л. Галкиным было высказано предположение о прекращении его функционирования в связи с набегом генуэзских пиратов (Галкин, 2013), что косвенно подтверждается обнаруженными арбалетными стрелами, характерные для итальянских наемников того периода.

Судя по материальным остаткам обнаруженных на месте раскопок, городище Актобе являлся крупным ремесленным центром, сбывавшим свою продукцию близ лежащим кочевым хозяйствам. Неизвестным остается план города, поскольку план составленный еще Л.Л. Галкиным в 1970-х гг., на сегодня устарел. Для полноценного отображения схемы Актобе необходимы дальнейшие археологические изыскания, на гораздо большей территории, возможно, включающие в себя и местоположение современных жилых кварталов.

Если по назначению городище Актобе можно определить, как ремесленный центр, то вопросы его функционирования остаются пока без ответов. Первым делом необходимо рассчитать чис-

ленность населения, однако несмотря на отдельные успехи исторической географии, в целом проблема определения численности городища в средневековый период остается нерешенной. Более того, современная оценка численности населения в гораздо более крупных городах, например, Сарайчик или даже Отырар, довольно сильно разнится у различных авторов. Так, по осторожной оценке, известного археолога В.В. Плахова, высказанной автору статьи в частной беседе, численность Сарайчика в эпоху Алтын Орды, колебалась в зависимости от сезонов года от 1200 до 2200 человек. Отырар в лучшие годы достигавший численности до 20000 человек, вероятно включал в это число и численность пригородных поселков и аулов обеспечивающий город пропитанием и другими услугами. По сути определение приблизительной численности населения является отправной точкой для реконструкции жизнедеятельности городищ подобных Актобе. Действительно если предположить довольно значимую численность, встает вопрос об обеспечении питьевой водой и минимальным продуктовым набором, что вынудит обратить внимание на местные ресурсы, включающие в себя состояние почвы для эффективного ведения земледелия. Таким образом, городище Актобе может являться неким образцом для изучения основных функций города и его роли в повседневной жизни степняков. Наличие массы косей животных на месте раскопок является свидетельством налаженных поставок излишков кочевых хозяйств в оседлые пункты. Само функционирование системы поставок, предполагает наличие централизованной власти, где кочевники выступали по сути гарантом существования самих оседлых пунктов, а это предположение может выступить новым фактором для пересмотра взаимоотношений системы «Город–Степь» (Федоров-Давыдов, 1994).

Заключение

Важным видом помощи в деле исследования Актобе могли бы стать археологические отчеты, значительная часть которых, к сожалению, до сих пор не введена в научный оборот. Эти данные могли бы послужить отправной точкой для определения численности населения в различные периоды, а также помочь проанализировать вид хозяйства. Поэтому иногда ученые вынуждены делать выводы исходя из, как говорится «из средней температуры по больнице», учитывая примерно одинаковый тип климата

в Волго-Уральском междуречье и одинаковый тип хозяйства. Налаженные поставки продуктов животноводства в оседлые поселения, позволили строительство городов и поселков в аридной зоне. Данная практика градостроительства в сугубо степной зоне является не является исключением, достаточно вспомнить основание городов – столиц кочевых империй, например в тюркских каганатах. Как указывал Э. Кульпин, «Город – это скорее состояние сознания, сосредоточение традиций, Город не просто физический механизм или искусственная конструкция. Он вовлечен в жизненно важные процессы людей, которые создают его. Это продукт природы, в особенности человеческой природы. Степные города и подходы, и не подходили под это философское определение. Например, из-за краткости существования они еще не успели выработать свои собственные традиции, действующие века. Или точнее, состояние сознания, образ жизни людей их населяющих, в ряде черт созвучный с образом жизни наших современников, находился в сильном диссонансе с образом жизни тогдашних жителей городов и весей на Западе и Востоке» (Кульпин, 2006).

Для полноценного понимания процесса функционирования городских поселений, стоит упомянуть то факт, что многие палеоэкологи считают, что период XIII–XIV вв. представлял собой климатический оптимум для степей Дешт-и-Кипчака (Егоров, 1985).

Это подтверждается и письменными источниками. Недавнее обнаружение на месте высыхания Аральского моря древние некрополи и города, может говорить о существовании более развитой городской агломерации, а также о наличии городских поселений в тех районах, где ранее их существование опровергалось современными физико-климатическими условиями.

Политическая стабильность, сложившаяся в Золотой Орде на рубеже конца XIII в. и первой половины XIV в., характеризуется общим подъемом экономики, культуры и конечно же расцветом градостроительной практики, когда собственно и возник Актобе. Возникший на Казахстанском Урале, городище Актобе был одним из тех городов, которые собственно и способствовали этому расцвету. Это время характеризуется ростом территорий «старых» городов и возникновением большого числа новых крупных поселений. Зачастую в старых урбанизированных оазисах на ведущее место в экономическом и политическом отношении выдвигаются прежде незначительные поселения, которые переживают период бурного роста. Старые же столицы регионов теряют свое значение. Закат же городской культуры на западе Казахстана ранее в отечественной историографии во многом связывался с походами Тимура. Современные исследования могут значительно подкорректировать эту точку зрения – не менее значительный эффект оказали очередные процессы трансгрессии Каспия и связанные с ним процессы.

Расцвет Актобе, а также его упадок и гибель, нуждаются в описании и продолжении комплексного исследования, поскольку ответ на эти вопросы позволит лучше понять ту историческую реальность, в которой зародился этот феномен – оседлая культура в кочевой среде.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН АР09058609 «Реконструкция золотоордынского городища Актобе Лаэти: источниковедческий и историографический аспекты»).

Литература

- Алексеев А.Е. (1867). О развалинах татарского города Сарайль-Джадита // Уральские войсковые ведомости. № 30. С. 12-14.
- Галкин Л.Л., Касенов М.С., Афанасьев В.К. (2013). Средневековое городище Актобе-Лаэти (XIII–XV вв.). Атырау. С. 49.
- Егоров В.Л. (1985). Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Москва. Академия Наук СССР. Институт истории СССР: Наука. 460 с.
- Зеленев Ю.А. (2010). Золотоордынские города Поволжья: возникновение время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. №1. С. 113-122.
- Зиливинская Э.Д. (2011). Домостроительство в Золотой Орде: синтез кочевнических и оседлых традиций // Этнографическое сообщение. Серия. История. Исторические науки. № 5. С.2.
- Кульпин Э.С. (2006). Золотая Орда: Судьбы поколений. Москва. 125 с.
- Сулейменов О.О. (1975). Азия. Алма-Ата: Наука. 182 с.

- Успенский Ф.И. (1949). Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII–IV вв. // Византийский временник. М.-Л. Т. 2. (27). [Электронный ресурс]. URL:[https:// http://www.vremennik.biz/opus/BB/02/51805](https://http://www.vremennik.biz/opus/BB/02/51805)
- Ужкенов Е.М. (2021). Феномен оседлой культуры в кочевой среде // Журнал: Мысль. 30.09.2021. [Электронный ресурс]. URL:<https://mysl.kazgazeta.kz>.
- Федоров-Давыдов Г.А. (2001). Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. Москва: Изд-во МГУ. 256 с.
- Яворская Л.В. (2017). Домашние животные в быту и экономической системе Золотой Орды: письменные свидетельства и археозоологические реалии // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком И Западом: Движение Культур, Технологий И Империй». Владивосток. С. 313-318.

References

- Alekseyev A.Ye. (1867). O razvalinakh tatarskogo goroda Sarail'-Dzhadita. [About the ruins of the Tatar city of Sarail-Jabitai]. // Ural'skiye voyskovyye vedomosti. № 30. S. 12-14.
- Galkin L.L., Kasenov M.S., Afanas'yev V.K. (2013). Srednevekovoye gorodishche Aktobe-Laeti (XIII–XV vv.) [The medieval settlement of Aktobe-Laeti (XIII-XV centuries)]. Atyrau. S. 49.
- Yegorov V.L. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv. [Historical geography of the Golden Horde in the XIII-XIV centuries.]. Moskva. Akademiya Nauk SSSR, Institut istorii SSSR: Nauka. 460 s.
- Zelenyev YU.A. (2010). Zolotoordynskiyeh goroda Povolzh'ya: vozniknoveniye vremya sushchestvovaniya i etnokul'turnaya kharakteristika. // Istoriya i sovremennost. №1. S. 113-122.
- Zilivinskaya Ye.D. (2011). Domostroyeniye v Zolotoy Orde: sintez kochevykh i osedlykh traditsiy [House-building in the Golden Horde: synthesis of nomadic and settled traditions]. // Etnograficheskoye soobshcheniye. Serii. Istoriya. Istoricheskiye nauki. № 5. V.2.
- Kul'pin E.S. (2006). Zolotaya Orda: Sud'by pokoleniy [The Golden Horde: The Fate of generations]. Moskva. 125 s.
- Suleymenov O.O. (1975). AziYA [Asia]. Alma-Ata: Nauka. 182 s.
- Uspenskiy F.I. (1949). Morskoye i sukhoputnoye dvizheniye iz Tsentral'noy Azii v Yevropu i obratno v XIII–IV vv. [Sea and land traffic from Central Asia to Europe and back in the XIII-IV centuries]. // Vizantiyskiy vremennik. M.-L. T. 2. (27). [Elektronnyy resurs]. URL:[https:// http://www.vremennik.biz/opus/BB/02/51805](https://http://www.vremennik.biz/opus/BB/02/51805).
- Fedorov-Davydov G.A. (2001). Zolotoordynskiyeh goroda Povolzh'ya: keramika, trgovlya, byt [Golden Horde cities of the Volga region: ceramics, trade, everyday life]. Moskva. Izd-vo MGU. 256 s.
- Yavorskaya L.V. (2017). Domashniye zhivotnyye v bytu i ekonomicheskoy sisteme Zolotoy Ordy: pis'mennyye svidetel'stva i arkheozoologicheskiye realii [Domashniye zhivotnyye v bytu i ekonomicheskoy sisteme Zolotoy Ordy: pis'mennyye svidetel'stva i arkheozoologicheskiye realii]. // III Mezhdunarodnyy kongress srednevekovoy arkheologii yevraziyskikh stepey «Mezhdum Vostokom I Zapadom: Dvizheniye Kul'tur, Tekhnologiy I Imperiy». Vladivostok. S. 313-318.